

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-7

Майкл
Джексон:
**ПОП-
ИДОЛ
ВСЕХ
ВРЕМЕН**

**ПЕЧАТНАЯ
МАШИНКА:**
как все начиналось

стр. 5

6

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

**бульварные
новости**

№25 (54)
июнь 2021

стр. 12-14

**МУЗЫКА
— МОЯ
ЖИЗНЬ**

КРАСОТЫ

стр. 16-17

**БОЛЬШОГО
ОСТРОВА**

МУЗЫКА – МОЯ ЖИЗНЬ

Геннадий Норд

Это был август 1971 года в Калининграде. Из толпы абитуриентов Калининградского университета, собравшейся у входа в здание, ярко выделялся худой кучерявый очкарик с усами. Чем он тогда привлек мое внимание, сегодня определить не смогу.

А сблизила нас музыка: мы с Гонькой Черновым интенсивно осваивали гитару, а Володя Анисимов был уже сложившимся музыкантом, профессионально владеющим саксофоном, флейтой и кларнетом.

Ох, и покуралесили мы тогда!

Помню, мы даже сдавать латынь пришли вечером с инструментами и кофейником и устроили для преподавателя настоящий концерт. Но, видимо, играли так громко, что появился проектор и выгнал нас на улицу. Кстати, вместе с преподавателем.

А через два года Володя внезапно исчез, в университете не появлялся.

Я сначала пробовал его найти, но закрутили какие-то дела, заботы. Началась жизнь, которая не любит недосказанности сюжета.

Прошло много лет и мы, благодаря социальным сетям встретились.

Владимир Анисимов обосновался в Нидерландах, стал выдающимся музыкантом, преподавателем.

Но одной музыкой его творчество не ограничивается. Володя великолепно рисует и сам проиллюстрировал свою книгу.

А книга — «Как я стал флейтистом» — читается на одном дыхании. В историях членов Союза писателей Северной Америки Владимира Анисимова есть что-то чеховское — занимательный сюжет, неожиданная концовка, живой, легкий язык, умело сдобренный колоритными, смачными словечками из жаргона музыкантов, пропитанный юмором и самоиронией, не дает оторваться до последней страницы.

— Я обратил внимание на то, что все города, в которых ты жил, связаны с поэзией. Да и родился ты вместе с красивым названием.

— Родился я давно, в 1950-м году. И очень далеко. На острове Сахалин в маленьком местечке, которого и на карте-то не найти, но зато, правда, с красивым нерусским, с экзотичным, или японским или каким-то даже индонезийским названием — Томари.

Чего мои родители занесло на край света — не очень внятная история. Или маму, после педагогического института туда добровольно-принудительно направили, или «по вербовке», то есть, сами подписались в молодёжно-комсомольском порыве в поисках романтики и, если повезёт, лучшей жизни. Не знаю.

Но точно знаю, что лучшая жизнь в Томари не сложилась. И прожил я там чуть меньше трёх лет и пережил смерть моей старшей сестренки Гали от, скорее всего, последствий американских ядерных бомбежек, находившихся неподалёку от Томари, Хирокими и Нагасаки. Мои родители, совершенно справедливо опасаясь, что меня — младенца эта лажа тоже заденет, забив на все вербовочные радости, срочно поехали на континент. Неважно куда, главное, как можно дальше от радиации, превышавшей тогда в той местности все допустимые и недопустимые нормы.

— И все-таки целью была Москва?

— Как мне рассказывали, ехали мы около трёх месяцев. И так нас эта вагонная жизнь достала, что вместо вожделенной столицы нашей Родины Москвы, высадились мы в хорошем русском, но глубоко провинциальном городе Пензе, где были родственные связи. Моя бабушка и дедушка жили в Пензенской области, в деревне Нижний Шкаф, а тетя Нина и дядя Боря чуть ли не в самом центре Пензы.

— Остановились и остались в Пензе?

— Сначала жили у тети Нины с дядь Борей в деревянном, очень старом, каком-то уж слишком нарочито купеческом доме с удобствами во дворе, но зато с довольно большим огородом.

Поскольку мои родители были люди стойкие, целеустремлённые, неленивые, небухающие, мы через относительно короткое время перебрались сначала в однокомнатную квартиру. А с рождением сестренки Маринки и в двухкомнатную и даже аж в трёхкомнатную.

Но не совсем в Пензе, а рядом, в каком-то странном городке, по-идиотски называемом «почтовый ящик Пенза №». Такое было странное название, потому что поселение за колючей проволокой и вход и выход туда только по пропускам. А такие строгости, потому что почти все население работала на секретнейшем военном заводе. Что там такое секретное делали и, может быть, до сих пор делают, я так никогда и не узнал, да если честно никогда и не интересовался, исходя из популярной среди моих друзей-приятелей присказки:

Гудит как улей родной завод.

А нам то что?

Он нас не ...!

Но зато снабжение в нашей «зоне» было особое, много лучшее, чем в областном центре, не говоря уже о райцентрах. И еще сопутствовали всякие социальные радости, типа продвижения очереди на улучшение жилищных условий, улучшенной медицины, свободных путевок на российские курорты.

— И строгости, наверное, были, доведены до абсурда?

— Ну, разумеется, и порядок там был, и дисциплина. Например, если бухой попытаешься через КПП пройти в ту или другую сторону, то великий шанс прямо с КПП в вытрезвительную

теть попасть. А, типа, протест какой выскажешь, тут уж пятнадцать суток реальность светят.

Эдуард Лимонов назвал один из своих романов: «Дисциплинарный санаторий». А мы попроще называли: «Зона». Коротко и ясно.

—Этот военный режим как-то на тебе отразился?

—Меня все эти дела тогда совершенно не парили. Я и в тети Нинином огороде с удовольствием игрался и в закрытом заводском городке ходил сначала в садик, потом в школу.

Учился, книжки любил читать, в кино ходил по субботам, записывалась в спортивные секции, дружил, драли, влюблялся, курить начинал втихаря. Переживал, что брюки недостаточно узкие, или прическа слишком уж короткая.

—А как появилась в твоей жизни музыка?

—Родители меня в музыкальную школу отдали на баян. Баян мне не нравился, но цены за обучение на скрипке или фортепиано были значительно выше, чем за обучение на баяне или балалайке. Поскольку балалайка меня совсем уж не прельщала, стал я юным баянистом.

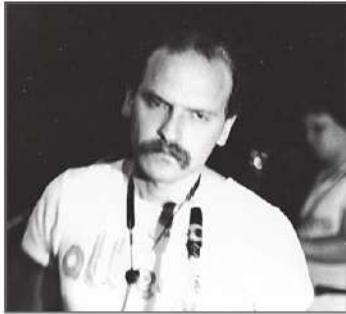
Коллеги-баянисты сразу же научили меня актуальной поговорке: «Играй мой баян, а то выброшу к...».

И чтобы не выбрасывать баян, хоть и не самый престижный, но всё-таки музыкальный инструмент, я быстренько подобрал на нем буги-вуги и рок-энд-ролл, правда, в русском варианте:

*Не ходите дети в школу.
Пейте дети кока-колу.*

А также популярнейшую среди уличной шапны песню:

*Я иду по Ургуло.
Ночь хоть выголи глаза.
Слыши крики, — Раздеваю!!!
Ой! Не надо!!! Я сама!!!*

Много позже я узнал, что это мелодия американского джазового стандарта «I Love Paris».

Чтобы не отставать от дворовой шапны, я и на гитаре три главных аккорда выучил.

—Ты ведь и спортом занимался?

—Среди прочих социальных радостей в нашем городке в большом почете были спорт и культура.

В спорте я, практически, все перепробовал, но ни в чем больших надежд, к огромному моему огорчению, не подавал.

—Поэтому занялся культурой?

—Именно поэтому я и отправился в культуру, которая у нас тогда вся сосредоточивалась в Районном Доме культуры.

—И как тебя встретили?

—Прихожу. Говорю с приподнятым и неверием в свою слишком по тем временам революционную идею:

—А можно я, пожалуйста, на саксофоне буду играть?

А мне стоят:

—Ну, почему бы и нет. Можно, раз так хочется. Но в связи с тем, что тебе пока всего лишь одиннадцать лет, да и парень ты, мягко говоря, некрупный, тяжеловат он для тебя будет. Опять же, по всем методикам, лучше начинать на кларнете, а потом хороший кларнетист без труда на саксофон переходит. Родственные инструменты. Все нормальные саксофонисты обязательно на кларнете умеют играть. Ну, че, согласен?

—Да!!! —кричу. —А могу я кларнет до-мой взять?

—Ну, конечно, коллега. Наше дело такое. Ежедневно и неустанно повышать

В первом ряду первый слева Владимир Анисимов, третий — Геннадий Норд

своё исполнительское мастерство. Будешь повышать мастерство-то?

—Буду. Ежедневно. Всегда.

—Ну, если так, то получится из тебя музыкант.

—Дали тебе кларнет?

—Дали. Принес я кларнет домой. Башка очень художественно его охарактеризовала:

—Какая у тебя кудрявая.

—Начал репетировать?

—Еще как! Дуо, осваиваю и мечтаю погородить стать взрослым, то есть, закончить восемь классов, поступить в музыкальное училище на кларнет. Учиться на кларнете, но играть на саксофоне. Я на саксофоне и учился бы с удовольствием, но не было тогда класса саксофона ни где в СССР. А я мечтал работать саксофонистом в ресторане.

—Сбылась мечта?

—Мечты сбываются. Мне пятнадцать лет. Я студент Пензенского музыкального училища по классу кларнета. И играю на саксофоне на танцах в парке культуры и отдыха имени Дзержинского.

—А дальше?

—А дальше-больше. Взрослые чуваки берут меня работать саксофонистом в ресторан «Сура».

Престик, бабки, девушки, жаба и уважение от ровесников-сокурсников.

Все дела. Жизнь удалась!

—А руководство училища на эти туры гастроли как смотрело?

—В Администрации училища мне сказали:

—Ресторан не место для советского студента. Ты должен сделать единственный правильный выбор.

С моей точки зрения единственно правильный выбор — это ресторатор.

—Из училища выплыли.

—Не пожалел?

—Ну, и черт с ними, мне без училища еще лучше. А от нашего рестораторного пианиста дяди Пети Кирпича научиться можно намного большему, чем от всех вместе взятых преподавателей музыкального училища.

—Но в восемнадцать лет призвали в армию?

—Да, но в Пензене военных оркестров до фига и больше. Кларнетисты везде нужны.

Старые музыканты помогают мне устроиться в образцово-показательный оркестр воинской части.

Служба нравится. Кроме оркестра еще играю малым составом на танцах в районном Доме культуры, и даже какие-то небольшие бабки зарабатываю.

А через пару месяцев вчерную, до белочки, до лечебно-трудового профи-

лактория, забухивает сверхсрочник-флейтист.

Директор вызывает и говорит:

—Рядовой Анисимов, через неделю сидишь в оркестре на флейте.

—Да я, это, как бы не умею, да и не хочу, мне и с кларнетом хорошо.

—Боец, ты же в Советской армии. Можно подумать тебя здесь кто-нибудь спрашивать будет, что тебе нравится или не нравится. Не заиграешь дней через десять, ну ладно, через две недели, пойдешь в общевойсковую службу, со всеми ее прелестями и тяготами. Хочешь, Родине послужить по полной, ты, программы?

—Нет, то есть, Родине-то, как бы, хочу послужить, но не по полной программе, а, как бы, ну, типа, флейтистом.

—И освоил флейту?

—Где-то через месяц вполне себе уверенно выдувал марши на флейт-пикколо. Не на шары, разумеется, а упорно позанимался часов по восемьдесят в день, чуть все мозги себе не выдул.

Не зря старался. С тех пор и до сегодняшнего дня я флейтист. И ни разу не покалел об этом.

—А после службы?

—Отслужил. Звали на кусковую сверхсрочником. Отказался. Хотелось джаза, консерваторий, гастролей. Хотелось свободы, а какая в армии свобода? Не хотелось унылой тихой Пензы. Хотелось Запада, Европы, цивилизации, джинсов, голливудских женщин. И совсем уж глупость: мечтал пройтись с саксофоном в прозрачном, типа стеклянном, футляре по центральной улице крупного столичного, желательно, западноевропейского города.

—А в Калининграде как оказался?

—Самая западная точка СССР, относительная свобода. И в музыке тоже. И там армейские кореша.

Но без прописки куда устроишься?

И тут идея: университет. Вроде и при деле, и в общаге, и с пропиской.

Поступил на филологический. А что бы я делал на экзаменах, например физмата или химического?

—Но учился очень мало.

—Проучился почти два года. Не нравится. Филология, мне показалось, типой науки для тупых бездельников, для тех, кто делать ничего не умеет и не хочет, а понты гонять любит. Впрочем, вполне допускаю, что я не прав. Просто не въехал, да и не хотел я въезжать-то.

Я и сам то, кроме как в саксофон дуть, тоже мало чего умею. Но дуть умею

Окончание на с.14

Окончание. Начало на с. 12-13

и посты вербальные меня совершенно не прельщают.

Играю на танцульках, в кабаках, под-париваю, дружу с клевыми чуваками, с клевыми девушкими очень крепко дружу, слегка антисоветница.

Сокурсники, которым джинсы, с их точки зрения, дороге втихом, а особенно те у которых девочонок пошибывали, с радостью вложили меня в КГБ. Тогда это было несложно исполнить. Все комсомольское бюро в той или иной степени на внештатной, а кто-то и на штатной службе состояли.

Те, кретины, обрадовались новому клиенту. Прицепились. Достают, обвиняют во всякой ими же выдуманной, недоказумаемой ерунде, пугают, страшат.

—Наказали?

—Наказали, но не жестоко. Всего лишь заставили деканат факультета наставить мне двоек и выгнать из университета.

—Ты так тогда внезапно исчез. Расстроился?

—Я и не расстроился. Посчитал, что невелика потеря. Поступаю на третий курс Калининградского музыкального училища на флейту. Два курса я в Пензе все-таки успешно успел закончить, и даже хватило ума справку об этом получить и сохранить, а на флейте я в армии выучился играть даже значительно покруче, чем на третьем курсе положено.

Очень успешно заканчиваю, получаю диплом с хорошими отметками и еду в Вильнюс. Поступаю в консерваторию на флейту, но узнав, что там как раз с этого года вводится класс саксофона, сразу же перевожусь с флейты на саксофон.

Учуясь, работаю, гастролирую. Не обращаю внимания на легкую дискриминацию, скорее даже и не дискриминацию, а примитивное националистическое желтое.

Сдаю все экзамены, получаю диплом.

—А в Сочи поехал по распределению консерватории?

—Нет, совершенно случайно. Попал в состав Чеченского филармонического вокально-инструментального ансамбля «Икерия». А с ансамблем принял участие в Всесоюзном конкурсе «Сочи — 80».

Наш певец Алты Должиков вполне заслуженно получает призовое место и становится лауреатом конкурса.

А я получаю неожиданное предложение работать в только что открывшемся Сочинском музыкальном училище.

—Сочи понравился?

—Сочи, естественно, нравится, а кому Сочи не нравится? Как говорил и делал Николай Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз...» и прожить ее надо в Сочи.

Без раздумий соглашаюсь, несмотря на предложенные очень скромные жизненные условия — всего лишь семейная общага.

Селюсь в эту общагу с молодой любимой женой и годовалым сыном.

Пашу, как раб на плантациях. Трудусь в музыкальном училище на две ставки, да еще и эстрадно-джазовым отделением заведую, играю в филармоническом оркестре, ночью в кабаке и даже подтаксовываю между делом. Накашиваю бабок и приобретаю квартиру, не самую лучшую и не в самом престижном районе, но отдельную — свою!

—В общем, жизнь наладилась?

—Вроде все налаживается, но приходят лихие девяностые. Ельцинско-бандитский беспредел.

Без кабаков просто тупо не выжить, а в кабаке каждую ночь, а иногда и под пистолетом пою «Долю воровскую», «Владимирский централ» и прочий кошмар на эту тему.

Стресс зашкаливает, без алкоголя не обойтись. Начинаю квасить, как никогда прежде.

А самая ложь в том, что ребёнка в школу и то страшно пускать. Потому, что в связи с грузино-абхазским конфликтом беженцев полон город. И, в основном, не несчастные старики и женщины с детьми, а очень даже боевые здоровые ребята, явно не обременённые высокой моралью и нравственностью.

—Тогда и решился уехать?

—С бодуна было невыносимо стыдно и все чаще мысли: «ВалиТЬ отсюда надо».

Начинаю думать, вспоминать зарубежных друзей, знакомых, коллег. Звоню по всему миру. Пару лет назад выехал на гастроли в Нидерландах. Очень хорошо там вписался в джем-сейшеновскую тусовку. Со многими поиграл, подружился.

Все бросил и поехал в Гронинген.

—Как вписался в нидерландскую ментальность?

—Первым делом заканчиваю довольно успешно языковую школу. Солиси-

тируюсь везде и ежедневно. С огромным трудом, не исключая, конечно, и везения, устраиваюсь в музыкальную школу. Сначала в частную для взрослых амateurов-любителей. Для тех, кто «...землю попашет, попишет стихи».

Зарабатываю какие-никакие известность и авторитет в этом деле, и меня приглашают в школу искусств, заведение достаточно престижное и для учеников и, тем более, для преподавателей. Некоторые коллеги удивляются и даже слегка завидуют такой быстрой успешной профессиональной карьере.

Параллельно играю в городской big-бэнд с немудрым и логичным названием «Big Band Groningen», причём, сразу сажусь за первый пульт.

И, разумеется, по моей стариинной привычке, играю везде, куда позвут. А зовут время от времени и классику поиграть, и джаз, и рок, и даже балканский фольклор.

Поскольку разные жанры, да часто и на разных инструментах надо играть, приходится много заниматься. Чему я очень рад. И в форме, и при деле, если честно, люблю я это дело.

—Работаешь до сих пор?

—Нет. Отрабатываю до шестидесяти пяти лет и выхожу на пенсию. Я бы не пошёл, но здесь так не принято. Принцип «Уступи дорогу молодым» здесь соблюдается жестко. Жестко, но с небольшими допусками.

В моём случае: преподаю в той же школе, но не пять дней в неделю, а один. Зато частных уроков прибавилось. И из «Биг Бэнда» никто не гонит и не подсаживает. Как играл первого альта, так и играю.

А чаще всего выступаю с моим другом, ровесником и коллегой ещё по школе, замечательным пианистом-аккордеонистом Жаном Бёхю.

—Ты говоришь, что появилось больше свободного времени. Чем себя, кроме музыки, занимаешь?

—Во-первых, главная радость — три внука и внучка. По возможности уделяю им время, вожу на экскурсии по Европе.

—А как же с рассказами?

—С возрастом становишься сентиментальны, наплывают воспоминания. Память выдает интересные моменты, которые случались в жизни.

Вот и вспомнил свое филологическое недоделование и решил записать все на бумагу.

Вот так иногда что-то пишу-сочиняю. Друзьям нравится, чему я искренне радуюсь. И не бросаю писать. Стараюсь показать своих героев с добрым стороны. Ведь добра — это вечный двигатель жизни.

—А ты своей жизнью доволен?

—Всем доволен! Всех люблю!

—И если бы начать сначала, то ты бы не совершил многих своих ошибок?

—Наоборот. Я бы постарался их совершил быстрей, чтобы потом надеяться ошибок еще больше.

